

16+

Андрей Сомни

Транзит: Звёздная Гавань

Сквозь ложь - во сне

Андрей Вячеславович Бабиченко

Транзит: Звёздная Гавань

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24394436

SelfPub; 2019

Аннотация

Они не имеют правды. Они не имеют совести. Им чужды понятия братства и любви. Под глас Великого Единения, движимых звёзд и горящих туманностей в вечном поиске ответа. Истории, начавшейся давным-давно от замёрзшей под натиском льдов и человеческого гнёта Эи. Таким же безыдейным, как и все, сквозь дебри космоса и множеств систем к томящейся пустоте.

Содержание

Покорённые	4
Горгона	9
Эфир	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Покорённые

Многие ли знают, почему?

Задаются вопросом – откуда именно?

Что ими двигало и с какой целью?

Они появились, как миссионеры, неся с собой технологический рассвет, общим благодетелем всех малоразвитых рас.

Красивые слова – Великим Единением, безусловно выгодным, необходимым.

Щедрые торговцы, коим доверили свои тайны, отплатили эскадрами.

Великими армадами, за считанные часы, затмившие дневные блики.

И после, под грохоты марша, победоносно пройдя, неумолимо прокатившись, поработав ранее прекрасные миры.

Гордо называя себя – Люди, в своём ненасытном безумстве, они уподобились машинам.

Сотнями тысяч идя напролом, осушая и пожиная плоды иных цивилизаций.

Испарились океаны, прекратила плодоносить почва, с годами становясь только холоднее, покрывая наростами льда, некогда живую Эю.

Культура жителей рассеялась, сменившись причудливым языком «хозяев», поставив за место себя надзор и верховенство человека.

Выбор их пал на адамантийцев, пожалуй, последних из всего разнообразия населявших народов Еридана.

В этом выборе, не было любви или сострадания.

Скорее, из-за некой отдалённой схожести.

Построения общества или обычной, начисто лишённой других способности – подчинения.

Незамысловатый термин, позволяющий сделать уже следующее поколение более покорным, идущим на все уступки.

Последующее, шедшее за этим, ещё больше, и так до бесконечности, вплоть до полного, тотального контроля.

Создав специальные резервации: крохотные микрорайоны, тискамы вставленные в утробу человеческих городов и отданных самим себе.

Как в муравейнике, вечно царящая суматоха.

Кавардак из выбитых окон, осыпающихся стен и без должного ухода зданий.

Вкуса грязи и такого же кислого болотного воздуха, чем мог насладиться любой проживающий здесь.

По рождению, приписывая каждому личный код, бумагу о заранее заготовленном имени, месте проживания, пожизненной работы, роли и свода правил.

Кто-то уходил в пять утра на черновые, недостойные по

меркам Великого Единения человеческого труда, работы.

Другой, мог служить по дому, улаживая своих хозяев, в частности занимаясь всем тем, что, и обязаны были делать Люмпены.

Ежедневно, под два раза: утром и вечером.

На протяжении жизни, одним из более важных обязанностей, входило прослушивание транслируемого исключительно ради Люмпенов – Великого Единения.

Набора отборнейшей пропаганды, вечных слов о: улучшении жизни, скорых переменах, больших свободах, конечно ненависти к врагам, безграничной любви и благодарности хозяевам.

Где, врагами зачастую выступали представители других государств-планет, а так же мнимые внутренние враги, желающие развала и невзгод.

Имевшие множество лиц, одеяний, однако, всегда без конкретных имён, уточнений их поступков и действительно, существовавших ли в реальности.

Покорённые и униженные, чьё неравенство всегда подавлялось.

Оставляя самых глупых, запуганных до психического отторжения мыслей.

Неравенство их лежало в самой природе, являясь неизбежным следствием.

Через пару поколений, наконец, окончательно искоренив

данную заразу.

Ещё громче, ещё чётче Великим Единением твердя.

Нам не нужны творцы, нам не нужны изобретатели, нет надобности в философе и интеллигенте.

Мы все равны. Все как один обязаны повиноваться, осуждая иных, придерживаясь – незыблемых постулатов заразившего всех нас человеческого прогресса.

Вот, тот неловкий взгляд, неверное движение или просто громкая интонация голоса в слове.

Тебе дают пощёчину, орут, морально уничтожая, заковывая в кандалы правил, затем перерастающие в своё физическое подобие.

Ведь так было всегда, как гласило из истории хозяев.

Рождённые должны служить, выросшие должны восхвалять, а умирающие... умирать, как им и полагается.

У Люмпена не может быть прав, он не может заводить семью, не может иметь личного дома, проживая в положенных тесных общежитиях, каждую неделю составляя детальный отчёт о своей деятельности в службу ИНнадзора.

Потому что, так было всегда и так будет.

Как и он, как и его родители, и их родители до них.

Спустя уже возможно сотню лет, со дня «освобождения», Аден повторил ту же, глупую ошибку.

На ногах его громоздко повисли цепи, сковывая и с каж-

дым долгим шагом, протаскивая за собой следом пудовый шарообразный предмет.

Остановившись на секунду, он взглянул по левую от себя сторону.

По узкой линии конвейера, двигая ровные ряды заключённых.

Таких же, как он: надоевших, ненужных теперь никому.

Вдруг, он ощутил сильное жжение, и жгучая боль, переросшая в лёгкое покалывание, где-то в области спинного гребня.

– Двигай! – крикнул сзади шедший погонщик, покручивая в руках электродубинку.

Кривые ступеньки погрузочного судна давались тяжело, позвякивая, каждый раз задевая их цепью и громко похлопывая гружёной сферой позади.

И он – последний перед отправкой внеочередной партии.

Будучи закреплённым в последнем свободном месте, у обзорных иллюминаторов, в последний раз посмотрев куда-то прочь.

Перед тем как, окрасившись, погрузочный док, взвыл от промо сирен и запуска шаттла в просторы бескрайнего эфира.

Горгона

Теперь, во время полёта, единственным выходом оставалось без усталости коротать время – бездумно всматриваясь в просторы эфира, либо предавшись самому себе, отдавая предпочтения мыслям, нежели чёрному, необузданному нечто, заполонившему и захватившему всё, по другую сторону метрового покрытия этилия.

Выбор был за вторым и, запрокинув голову, его глаза закрылись, представляя свою до недавно обыденную жизнь: безыдейную, немощную, неясную.

За этим пошли воспоминания, всё более ранние.

В те времена, когда защитные купола ещё не покрывали города.

Нарастали только первые ледники, ещё живая, буйная животной и растительной живности.

– Эя. – прошептал Аден. – Мой дом.

Сказанное, вновь взбудоражило разум, продолжая его путешествие в памяти, на сей раз, имея возможность наблюдать себя со стороны.

Ещё совсем маленьким, спокойно сидящем на коленях отца и вслушивающийся в его рассказ.

Такой типичный, сейчас конечно наивный и абсолютно не правдоподобный, однако в ту пору настолько всеми желан-

ный, услышанный хотя бы в виде сказки, о именно их.

Их старой Эе.

Том хрупком мирке, полном живописных морозных гор, живительных ручьёв, питающих своей влагой пышные от зелени долины.

Впивавшихся в устья морей, а из них, устремляясь в глубину сиреневых океанов.

Или рассказы об «Анчи» – великие охотники, только лучшие и сильнейшие представители девяти племён, что верхом на своих арахнидах обходили все континенты, навсегда закрепляя свои имена в истории.

Закаляя их в битвах, новых географических открытиях и покрывая вечной славой.

Затем, его мысли сменились грядущей действительностью – исчезли скрытые долины, леса сменились городами хозяев, и он сам, находящийся где-то там внутри, под их властью, возможно и истинно не веря в их право, в их власть, но теперь, не имея иного выбора, повизгивая звеньями цепей и покорно идя на поклон.

Он, подумал о власти, о наставлении хозяев, что она верная, что альтернативы ей, этой власти – война.

Хочешь, другого лидера – будет война!

Хочешь реформ – будет война!

Хочешь иметь достойные условия жизни – будет война!

И те, кто никогда не видели счастья, готовы терпеть всё, ну абсолютно всё, лишь бы война обошла их стороной.

Война – это был их бич, пускай и единственное, но самое ужаснейшее, унижительное воспоминание из прошлого и вечно, «так» сугубо ради размышлений, поднимаемый хозяевами вопрос – а может, не стоило оставлять и вовсе никого?

Он встрепенулся, пальцами рук ощущая холодное покалывание, будто ночной ветер, касаясь краем своей мантии, пронесся мимо него, словно предупреждая о грядущей опасности.

Возможно особенная черта – инстинкт, выработанный ещё с детства, каждый раз пытаюсь предостеречь от чего-то.

И в этом он был уникален.

Единственный из тысячной толпы, кто всегда имел нечто подобное.

Подобную «связь».

В их народе, подобная связь звалась «голосом» – наследием ушедших предков, что вовремя вмешиваясь в жизнь смертных, помогают им, наставляя неокрепших на правильный путь.

Но почему, же один? Почему один, а не тысячи, не те все девять миллионов, что остались от них?

И теперь никто иной, а именно он, отчего-то заслуживающий подобное, но не сумевшее вовремя дать знак, предупредить, ни его самого, ни друзей, ни семью.

Ведь скорее – обычная пустышка.

Просто глупая выдумка, рассказанная множество раз, пе-

реходя от одного к другому, постоянно перевираясь, наполняясь чужими мыслями и верованиями, в конце теряя изначальный смысл.

Он не иной, такой, как и все они – узники, поставленных в два ряда сидений, зажатых, по несколько раз плотно закреплённых перегибающимися сдерживающими прутьями, дающими доступ только шейным позвонкам, в определённых углах вертеть свою голову и всё же в большей степени смотреть сугубо перед собой.

Вновь, тот же погонщик, каждые несколько минут возобновляя свой маршрут и прохаживаясь вдоль территории судна, незатейливо и планомерно отщёлкивает своей электродубинкой о сгущающиеся по бокам рядам сидений.

На обороте третьем остановившись, что-то заприметив, замешкавшись там, недалеко от хвостового отделения судна, напротив погрузочного трапа.

Свободной рукой, переведя на затылок и надавив на заднюю часть покрывавшего его голову защиты.

Наступила реакция – испустив тонкий сгусток пара, средство защиты стало сдавливаться, визуальное сжимаясь своими пластинами, складываясь друг на друга, за доли секунды оканчивая всю операцию на месте нажатия и теперь из массивного астро-шлема, превратившись в тончайший слой эластичного материала, в длину не более ладони.

За ней Аден уловил довольную гримасу хозяина, в страхе переведя свой взгляд, куда-то прочь, в иное место.

Внутри ещё играли правила, перечень запретов: смотреть, говорить, прикасаться.

Любое иное действие без данного на то должного разрешения, что жестоко каралось.

На секунду всё его тело дрогнуло, как если, впиваясь и карабкаясь вверх по позвоночнику, воображение рисовало сцены пыток, гигантских, безумно острых игл, пил, мёрзлых пыточных столов.

Он представил, что всё не обошлось, он не получил побоев, не был отправлен в бессрочную ссылку.

Окружающая цельнометаллическая пелена из головного зажима и вивесекторного лазера, что раскроит его череп, доставая по меркам хозяев не идеальный мозг, заменяя тот биоусилителями, искусственными нервными окончаниями, заново подсоединёнными к уже машинной структуре и возвращая к жизни полу-механический труп – автоматон.

Бездумная грудa мяса и костей, отныне зависящее чужой волей.

Навечно обрекаясь исполнять одни и те же повторяющиеся функции.

Аден хорошо помнил ту первую встречу, тогда, взбредя голову после недельной смены, возвращаться, домой не своим стандартным маршрутом, а свернуть, пройти каких-то пару лишних сотен метров.

Заиметь редкую возможность побыть наедине со своими мыслями.

Тогда, впервые отважившись подойти столь близко к разграничительному забору.

Понаблюдать за жизнью господ, за жизнью столь чуждой, с первого взгляда беззаботной простой.

Возможно, не будь под напряжением, опершись и помечтать, поставить себя на их место. Что было бы?

Тогда, впервые из тёмного переулка он увидел её – провизгливо постанывая от забившихся гортанных фильтров, из серой тени подалось тело.

Автоматон, одна, бывшая из представительниц его народа, даже сейчас подвергшись ужасным метаморфозам, всё ещё прекрасна и так пуста.

Развеивающиеся по ветру рыжие волосы, бледная кожа, прозрачные зрачки, мельчащие из стороны в сторону.

Она зашагала по направлению к электрическому ограждению, пусть и пешком, но пронёсшись так быстро, близко, едва, как показалось самому Адену, задев его кончиком указательного пальца, о тыльную сторону руки.

Такая холодная, мёртвая.

На лбу появилась испарина, мысли, пожираемые друг-другом становились всё более ужасными, улетучивая ранние воспоминания, заменяя отголоски памяти огромным залом.

Тьма в нём сгущалась, убирая окна, стёкла, заменяя расписанный фресками фасад – голыми стенами и оставляя на подступах зияющую пустоту.

На мгновение страх отступил, стало казаться, что он знал об этом всегда.

О нечто скрытом, тайном, стоит только протянуть руку и ладонью коснуться стены, как перед ним откроются все двери бытия.

Он потянулся выполнить задуманное, но тьма отреагировала.

Вновь нарастая и поглощая уже сами стены, пол, цепляясь и укутывая своей липкой хваткой и его самого.

В окутанном безграничье вспыхнули яркие звёзды, раскинулись цветастые туманности и ещё – нечто маячившее среди них, столь тайное и столь желанное, неутолимой жаждой к которому, так тянуло узнать.

Посреди газовых облаков и пыли, подчёркиваемое на фоне трёх светил.

Конусообразное строение, своим пиком вонзаясь в одно из величайших божеств, тонкой струёй пламени связуя их обоих.

– За что? – обратился к нему хриплый голос.

Если описывать, то звуча как буровая машина, вклинившись в породу выстроенных иллюзий и возвращая в «эту» реальность.

За вопросом, Аден ощутил, как к нему закрепился выжидающий взгляд, в надежде услышать нечто интересное, найти собеседника и просто скоротать столь долгий перелёт.

– Как и все.

– Именно. Как и все мы. – утверждающе канонизировал он. – Я двадцать лет проработал прислугой: принеси, подай, пожалуйста. И чем же я, по-твоему, это заслужил? – его собеседник громко хлопнул ладонью руки.

Ещё несколько минут испещрённое морщинами лицо глядело в сторону Адена, в конце концов, точно сдавшись и откинувшись в спинку сиденья, презрительно произнеся:

– Ты хоть представляешь, куда мы направляемся?

Вопрос не задел Адена, к тому времени уже давно позабывшего обо всём ранее волнующем, важном.

Отведя все дела на третий, а то и на пятый, уже никогда не исполнимый план, продолжая вести свой незримый, неизвестный даже внутри самого себя диалог.

Всё ещё намереваясь возвратиться к захватывающему виду звёзд, поразительному пику, со столбом пламени, чарующим своей необъяснимой природой, грацией.

Мельчайшие детали, подробности.

– В Вейсп.

– Вейсп? Это ли не то место...

– Каторга! И именно для таких, как мы! Будешь до конца своей жизни работать на Оскиевых рудниках, если не посчастливиться, что пыль не убьёт тебя раньше.

Наконец он замолк, еле слышно сопя и пошмыгивая носом.

Иногда подёргивая ногами в некой безутешной попытке избавиться от своих оков и сбежать.

«Вейсп», сотни раз услышанное и тысячи названное – газовый гигант, а вернее маленькая луна, захваченная гравитационным полем монстра, но к счастью для одних и несчастью других, обладающее внушительными запасами столь необходимого для межзвёздных перелётов Оския.

Именно того самого Оския – на первый взгляд краеугольного камня всего вопроса.

Вопроса, актуального ещё в начале, когда существовало сопротивление, когда горела надежда в сердцах отважных защитников, будущих бунтарей, борцов с узурпаторами.

Но канув в небытие, оставив битву, зарыв клинок в землю, в итоге предпочтя «худой мир» – «хорошей войне».

Они сумели позабыть о самом главном – самоуважении.

Сегодня став домашними любимцами, одноразовыми игрушками, чем-то невразумительно простым и дешёвым.

И самое обидное – в этом новом мире их устраивало всё.

В этом случае Оский лишь стал небольшим подспорьем, оправдав в лицах недалёких экспансию.

Спустя столько лет, подталкивающий к следующей теме – не в нужде за редким металлом, они пришли.

Рабы, вот, что их действительно интересовало.

Случился толчок, правый ряд сидений задрожал, поспевая в такт за всем космическим судном, в момент, срываясь и задирая соседние места, уносясь, прочь сквозь шарообразную пробоину по нижнему правому борту.

Мчащийся поток воздуха заложил уши, дыхание затруднилось, вызывая долгие спазмы гортани и потемнения в глазах.

Едва он сам ощутил, как и его, стремительным потоком развернуло в сторону разраставшейся дыры, всё более поглощавшей каркас корабля.

Со свистом пролетела пара крепительных болтов, правый ряд фактически опустел, покрывшись во мраке от вырванных под корень осветительных ламп и ближайшее к нему сидение с тем самым немолодым, с чего-то вдруг, заведший столь странный разговор адамантийцем.

Скренившись вниз, в долю секунды вырвавшись, летя прочь, вслед за всем остальным.

Он не издал и звука, прежде чем тёмное образование, скомкало и протолкнуло прочь, по ту сторону обшивки космолёта.

Незамедлительно последовал ещё толчок, позади пилотской кабины, вонзаясь и прожигая покрытия, насквозь прорвался яркий фиолетовый сгусток пламени.

Мир перед его глазами завертело, петляя и поворачивая, в некой безумной тряске и какофонии звенящих звуков.

Вот ещё секунда – представил Аден.

Как настанет и его очередь, будучи вырванный с «мясом» неистовой силой, пропускающей сквозь себя и отправляя в ночные просторы эфира.

Подготовившись к этому исходу, он сделал последний глубокий вдох, зажмурил глаза и постаравшись максимально расслабиться, считая, что это сможет смягчить его возможно болезненную смерть.

Последний толчок и чья-то крепкая хватка вцепилась в его руку, нависая и с каждым последующим мгновением утаскивая вместе с собой.

От тяги, крепления левой руки ослабли и он опять открыл глаза, затем поддавшись вперёд, узрев того погонщика.

Так браво расхаживавшего в начале полёте и ныне, так жалко из последних сил висящего в воздухе.

К несчастью первого, сумевшего вовремя схватиться за крайний попавшийся предмет.

В глазах читалась паника, мифический, неопиcуемый ужас немедля охвативший его.

Собственный безумный крик, слёзы вперемешку с грохотом на глазах разваливавшегося изнутри корабля и, тем не менее, борьбы.

Едва удерживаясь, болтающейся свободной рукой, он крепко сжимал тот самый ранее замеченный Аденом пластинчатый предмет.

Изо всех сил, но так тщетно пытаясь дотянуть его до затылка.

А что, если это не инстинкт? Что, если есть, хотя бы малая доля шанса, в этой маленькой бессмысленной коробчонке? — мысль затмила Адена.

Ему казалось, что именно на эту долю секунды, так же быстро уходя, как и данная мысль, всё окружающее застыло.

Последняя попытка, которой никогда и не было.

Аден максимально напрягся, собирая все свои возможные силы воедино и наваливаясь на уже разболтанные удерживающие его грудные крепления.

Пара креплений прогнулось вперёд, возможно давая немного больше свободы в движениях, как он хватается за бессильно болтающуюся руку погонщика.

Но не акт спасения им двигает, что есть мочи, подтягивая его руку к себе, дабы в подходящий момент завладеть – тем пластинчатым устройством.

Оставив в расстоянии каких-нибудь сантиметров тридцать, Аден ощутил противовес.

Под непомерной силой, рука погонщика пошла назад, сопровождаясь характерным криком того:

– Убери от меня свои мерзкие лапы, вонючий пришелец!

В последней попытке, Аден осмелился рвануть рукой, фактически соскабливая с ладони погонщика пластинчатый предмет.

В ответ тот громко гыркнул, готовясь к неизведанной, даже для самого себя, но последней, решительной атаке.

Сумей он только дотянуться, достав пальцами рук до его глаз и в бешенстве сдавив их в череп.

Убить, уничтожить, наслаждаться этим – разжимая цепкую хватку хладных пальцев рук.

Правее, где-то позади прохода раздался звонкий хруст.

Аден успел усмотреть несущийся отколотый кусок фурнитуры, вихрем мусора сносящий прочь погонщика.

Не решая медлить, Аден мельком вспоминает всю процедуру.

В спешке ощупывая пластинчатые выступы, перевернув в руках, чуть не выронив, лишь вовремя зажав ускользящее меж фаланг палец.

На сей раз, крепко уместив в ладони, он решил повторить ранее увиденное вплоть до наоборот – поднося пластину тыльной стороной к затылку.

Вот так впритык, что-то острое вонзилось о его плоть

Как механический захват, незамедлительно сверля, пронизывая от области шеи к ушам и далее глазным яблокам.

Голова склонилась, уступая под ощущением странной тяжести, веки поникли, потеряв любой источник света и теперь, будучи перегорожены баррикадой из плотно обхвативших его голову пластин, образуя тем самым герметичный шлем.

Через пару секунд на фоне глаз вспыхнул яркий синий свет, сопровождаясь рядом графических таблиц, быстротекущего текста с уровнем давления и анализом состояния носителя.

Мелькая и пропадая одна за одной, на их месте возникла горизонтальная синяя полоса, быстро заполняя отведённое для неё поле и машинным голосом произнося:

– Процесс слияния завершён. Автоматически запущена система фильтрации и искусственного поддержания атмосферы.

Вслед за последней фразой, в правой верхней части глаза Адена уместился счётчик.

Постоянно убавляясь по одной цифре и в общей сложности, имея три ряда постоянно меняющих своё положение значений.

Наконец он смог сделать свободный, глубокий вдох.

По телу пробежала необычайная лёгкость, вслед за ней, пара центральных пластин сместилась с области глаз в бока, открывая две плоские вертикальные линии визуальной ориентации в пространстве.

Два просматриваемых промежутка, с первого взгляда заполненных вязким, сине-голубым прозрачным веществом.

Поначалу явно подрагивая, спустя время, преобразовавшись в некое подобие стекла, уберегающее носителя от опасных факторов извне.

Перед Аденом встала уже окончательно сменившая цвет, имевшая глубокие темнистые оттенки того, что представляло собой ранее космическое судно.

Его свободная от удержания рука полетела вверх, зависнув в данном приподнятом положении, удерживаемая силами невесомости, что так же самопроизвольно проворачивала многие раскинутые по всему нутру корабля оставшиеся

предметы.

Аден медленно оглянулся, краем глаза, всё ещё улавливая нескончаемый отсчёт, медленно уходящего значения чисел.

Он тщетно выполнил несколько движений ногой и торсом, в надежде высвободить своё тело от расшатанных привязочных болтов и креплений.

Не прошло и минуты, как судно вновь пошатнулось от грубого и сильного удара, по правой стороне, где ранее располагался один из рядов кресел, образуя массивную вмятину.

Снизу, сверху и по краям металл прорезали малые зажимы, достигнув определённой точки, они, раздвоившись, провертелись, ярко-красными искрами прожигая прямоугольный в два метра ростом проход.

Пролетают последние искры, как кусок прожженного покрытия непринуждённо отходит в сторону, подлетая и ударяясь о внутренние поверхности судна.

В ожидании неизвестного Аден замер, из спокойного, дыхание стало частым захлёб глотающим воздух, как только он увидел первого.

С той стороны тени выдвинулась одна фигура – нестандартный рост, бьющее яркими лучами света мешковатый скафандр с техно-инструментом на запястье руки.

Прогулявшись по салону, луч света, наконец, перешёл на него – единственного, кто в принципе остался и не застыл в предсмертной позе.

За первым вошедшим последовало ещё трое, держась как можно ближе, они фактически подталкивали друг – друга, быстро переглядываясь и пробираясь вглубь развороченного корабля.

Первопроходец – самый высокий, подошедший к смиренно сидящему и за всем наблюдающим Аденом, после склонившись и обратившись к нему с одной простой фразой:

– Ты хочешь жить? – после постукав кулаком по защитному шлему.

В герметичном пространстве, малый шум перерос в нестерпимое эхо, заставляя Адена едва пошевелиться и наклоняя голову вперёд.

Принимая это за согласие, к его креслу затопали ещё двое, встав по обеим сторонам от удерживаемых узника зажима и быстрыми движениям разъединив, освобождая того с кресла.

В невесомости эфира он подлетел, как тут же был пойман по обе руки и силой потащен в прорезанный проход, где виднелся путь из белых отблесков стыковочного шлюза.

Уже оказавшись внутри, его вёл только один.

Начиная от самого угловатого шлюза, Адена повели через узкий с едва ли помещавшимися там вдвоём проходе.

По трём сторонам имеющий срезы, с каждой для разной степени масштабности каюты.

В одной из них заприметив высокий верстак с ящиками

для инструментов и множеством цилиндров наставленных по левую стенку от него.

Вторая, скорее была личной каютой с высоко поставленной кроватью, измерительными приборами и кем-то оставленным мешком.

Наконец выйдя, он попал в овальное, возможно являющееся центром совещаний и наблюдения помещением.

По его краям расположилось множество мониторов, оборудованных для работы сенсорными панелями, закреплёнными за ними стульями и вечной совсем чуть-чуть слышимой, неразличимой радиопередачей.

По центру помещения становился прямоугольный электронный пьедестал, в данный момент, проектируя голограмму звёздной системы, её биографии и точными данными местонахождения космолёта.

Усадив на один из овальных стульев, вскоре собрались все трое, что ранее притащили его сюда.

На сей раз уже без скафандров, представая перед ним в своём истинном облике, всякий раз желая начать разговор, они жестом останавливали друг – друга, начиная подозрительно переглядываться.

Долго тянущаяся ситуация, отчего-то напомнила ему о допросе перед отправкой в Вейсп, правда на сей раз, не будучи конвоированным, не заключённым, не лишённым право голоса и помилования, тем не менее, имея некое странное чувство.

Предчувствие нечто грандиозного, того, в чём ему отведена не самая последняя роль.

Чувство, что усилилось ещё сильнее, стоило ему только увидеть их лица.

Ужасно знакомые. Отражения различных лиц, но, так или иначе, первых – алмазников.

Самый высокий – средних лет, с широким шрамом на лбу и сопутствующим ему усталому измученному взгляду, всё время недовольно сверлившему Адена.

Возможно поняв, Аден повиновался, по памяти надавливая о заднюю часть пластинчатого шлема и снимая его.

– А ты умён. – произнёс со шрамом, подбирая с рук Адена сложенный предмет. – Я Ганкер. – приложу руку к груди, громко произнёс он. – Капитан этого корабля, а те отважные, что позади меня, моя бравая команда.

Его гордую речь рассеяла пара смешков, негромкие фразы, переговоры позади стоящих.

– Возможно, ты хочешь что-нибудь сказать? Слова благодарности? – добавил Ганкер.

– Спасибо... наверное. – растерянно выговорил Аден.

В это время, в нём боролись два не сопоставимых чувства: страха и радости.

Радости от встречи, пусть и с незнакомым, но явно более лояльным к нему, даже похожим на него самого существа.

И страха. Страх от неизвестности всей складывающейся в данный момент ситуации.

Ведь его спасители могли оказаться кем угодно: беглыми рабами, контрабандистами, пиратами и самое худшее – охотниками на таких, как он.

Тех, кто бежал, кто позволил поднять руку на хозяина, стал мыслить иначе.

Всеми презираемые, выполняющие эту работу за мнимую свободу – ублюдки.

– Полегче с ним кэп. – рядом с Ганкером, расставив руки в боки, заявила ещё одна фигура. – Я Винн. Как видишь, все здесь присутствующие адамантийцы. Ты уж прости капитана, это же его стезя толкать долгие и заунывные речи.

В дружеском жесте, она подала руку Адену на рукопожатие.

– Наши правила просты. Что ты предпочтёшь? Присоединиться к нам или остаться в том рассыпающемся могильнике?

В отличие от капитана, слова её звучали более решительно, без единой доли пафоса и угрюмого намерения.

– Да объясните хоть кто вы?

– Мы... – её перебил Ганкер, указывая на своё положение в иерархии команды.

– Мы искатели.

– Все практически как и ты, случайно оказавшиеся тут. – договорила Винн. – Вот это. – она указала на опершегося о стену молодого адамантийца, сжимавшего в руке гибридный ключ. – Это Голи, наш квартирмейстер. А заодно и трубы

протирает, по ту сторону защитного экрана.

Тот улыбнулся, подняв вверх руку.

– А позади капитана это...

– Зак! – громко воскликнул тот, кивая головой. – Всё по мелочи.

Пусть и, не проявляя прямой грубости, его голос слышался озлобленным, а внешний вид давал понять, что он не совсем был доволен сложившейся ситуацией и возможно, даже наличия в ней Адена.

– Собственно...

– Аден. Так меня зовут. Или, когда-то звали.

– Аден. – сморщившись, задумчиво произнёс капитан. – Будем считать, что с формальностями покончено и хочешь ты или нет, но теперь ты – часть экипажа Горгоны. – в приветствии он развёл руками в стороны. – Добро пожаловать.

Голи ещё раз подхватил Адена под руку, на сей раз не в принудительно-приказном порядке, под шутки, провожая в одну из свободных кают.

Эфир

Пожалуй, впервые за столько долгое время, в его распоряжении оказалась банальнейшая, из всех представляемых и желанных возможностей – выспаться.

Пускай и не рассчитанное под его рост, от чего порой Адену приходилось сгибать ноги в коленях, то и дело, залёживаясь, переворачиваться с бока на бок.

Данное положение всё же было куда лучше, чем тесные, поросшие плесенью тонкие стены общежитий в районе Люмпенов.

Сон медленно настигал его, давая, наконец, телу долгожданную возможность отдохнуть, а разуму – умолкнуть.

Ощувив уже знакомую ломоть с левой стороны, он вновь перевернулся на правый бок, едва-ли приоткрывая глаза.

По ту сторону, в обшивке корабля закрепились широкая прорезь смотрового иллюминатора, с доступным удивительным видом.

Миром, где великие светила опаляли своим гневом, а в моменты спокойствия, дарующие вместо жары тепло и жизнь.

Безгранично цветастые туманности, невиданные, неопи-сываемые своим размером и палитрой красок небесные тела.

– Какой странный день. – произнёс Аден.

Перед его взором на горизонте из-под пылевых облаков вырвалась маленькая захудалая планета.

Очевидно от смены курса корабля, она стремительно стала увеличиваться в размерах, давая возможность отдалённо рассмотреть себя.

По мере приближения, из статичной, вся её поверхность преобразовывалась в бурный нескончаемый поток.

Мчащиеся со скоростью в несколько тысяч километров в час непроглядно жёлтые облака.

Чьё направление менялось каждую минуту, строя грозные бури, ураганы, осыпавшие поверхность горизонтальными дождями.

В представлении Адена, будто падая, они могли бы создавать музыку всего из пары струн, что медленно наигрывает свою жалобную и длинную мелодию.

Мелодию пустоты, по мере своей надобности меняющую аккорды, успокаивая и вгоняя в сон.

Казалось, что в этом полудрёме он мог бы пролежать целую вечность, но всё же совладав и потянувшись, кое-как спрыгнув с подвешенной койки.

В паре шагов от неё располагался цельнометаллический столик, трое шкафчиков и крупный ящик обклеенный снимками зелёных угодий с наставленными поверх него причудливыми статуэтками.

Аден подобрал одну из них, резьбой изображавшую существо со скрученными маленькими дырочками, возможно олицетворяющими глаза и группой широких впадин.

Аккуратно поставив статуэтку на место, ладонь Адена коснулась панели разблокировки двери, покидая свою каюту, он вновь очутился в узких коридорах Горгоны.

Здесь его встретила первая тройка уже знакомых по начальному визиту кают и помещений, тесно связанных друг с другом, одним из путей уводящее к дальнему левому крылу.

В этой секции расположился гудящий гиперпривод, вырабатывая энергию из антиматериального топлива, приводя в действие двигатели к сверхсветовому прыжку.

Чуть дальше огороженная и автоматизированная станция жизнеобеспечения, наполненная массой баллонов со сжатым воздухом и системой распределения корабля.

И наконец, последняя – отчего-то привлекающая его внимание закрытая шлюзовая дверь.

Не будучи герметичной, в глаза Адена бросился малый изъян вроде мелкой прорези под собой, откуда по синему вспыхивали тени, и если, прислушавшись по характерному шуму, можно было предположить о введущихся ремонтных работах.

В Адене заиграло любопытство – что если, заглянуть внутрь?

Всё же, по сути, теперь являясь полноценным членом экипажа, он может без зазрения свободно перемещаться по всему пространству корабля или на крайний случай хотя бы тихонько приоткрыв понаблюдать.

Норовя не создавать шума, рука легла на рубильник шлюза, с небольшим усилием переводя положение на значение «вход».

Примерно на половине оборота ручка застопорилась, как показалось Адену, громко заскрежетав, будто цепляясь за что-то или удерживаясь по другую сторону.

В итоге даже применив изрядное упорство, в ещё паре

безуспешных попыток, отступившись, он бросил это дело.

От скрежета и кряхтений самого Адена, все возможные процессы по ту сторону шлюза прекратились.

Тень стала статичной, убирая свои предыдущие яркие очертания, звуки работа вмиг пропали, заполняя эту часть судна протяжным гудением отдалённого гиперпривода.

Адену стало казаться, как нечто ужасное, пугающее могло находиться за той стеной, сейчас внимательно слушая каждый его последующий шаг.

Он вновь приблизился к шлюзу, на сей раз, не спеша плотно прислонившись ухом, изо всех сил намереваясь успокоить своё бурное дыхание и слушать.

Десять, двадцать, сорок три секунды, как ничего.

Глупость, какая – подумал про себя Аден.

Тихо усмехнувшись, начиная списывать увиденные тени и слышанные звуки работ, на всевозможные побочные эффекты, будь то стресс, губительное воздействие на мозг эфира или чего ещё, что можно придумать.

Уже собираясь уходить, казавшись нарочно, с той стороны, раздался странный звук.

По описанию это более всего походило на шелест бумаги, что падая, черкала собою пол.

За шелестом почудились лёгкие босые шашки, быстро перемещавшись, бегая по замкнутой территории.

Услышанное взбудоражило сердце Адена, заставив то заколотиться в безумном темпе, сопровождаясь с иной сторо-

ны беспрерывным неразборчивым бормотанием.

Совсем рядом, вот прямо напротив него, уткнувшись ртом в диотовый сплав, в то место, где должно быть его ухо, и постоянно что-то наговаривая.

К ритму сердца добавилось частое дыхание и некая доля оцепенения, напрочь поразившая нижние конечности, лишая движения и пребывая в нарастающем страхе.

Не убежать, не спрятаться, не скрыться за плотной дверью, завалив все проходы, только бы подальше от источника бормотания.

Спустя секунд двадцать последовав от двери ударом, усилился шёпот, скребясь и рыча.

В панике Аден отпрыгнул назад, ударяясь спиной, падая, но тут же впопыхах вскакивая и несясь куда прочь.

Бегство, что насчитывало несколько секунд переросло в минуты, помещения и коридоры корабля становились длинными лабиринтами, путающие, загоняющие его обратно к тому зловещему шлюзу.

Пока на одном из поворотов Аден резко не остановился.

Пугающие звуки больше не преследовали его, расслабившись, он сделал глубокий вдох, похлопывая по трясущимся коленям.

Там в отдалении, до Адена донеслась чья-то весёлая беседа, куда он незамедлительно и последовал.

У источника беседы, перед ним открылась продолговатая, высунутая на метр вперёд от корабля полностью застеклён-

ная управляющая рубка.

С переда расположился штурвал, установленный за местом пилота и рядом сидящего корректировщика полёта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.